

Лев Славин

Страницы дневника*

19/IX.

Вчера утром у Краснощека встретил Софу. Мы гуляли по городу, заходили в нужные мне учреждения. Тихо и ласково. Немного скучно. И довольно глупо. Расставшись днем, снова встретились вечером. Еще скучнее. И еще глупее. Любить – скучно и глупо. Эти скитания по городу меня нервируют, а ее, по ее словам, «гнетут». Мы сидели на Ланжероне. Все же она чудесно хороша. Я страшно люблю ее. Мне тяжело ее целовать и только целовать. Вчера, когда обнимал ее на Ланжероне, она мне признавалась в забываемых вещах. Поистине, чтобы узнать женщину, надо посадить ее к себе на колени.

20/IX.

Сегодня в 6 часов вечера Софа уезжает в Киев. Вчера вечером мы были в Консерватории, а потом между нами была тяжелая неприятная сцена, и все закончилось слезами и поцелуями. О том, как мне тяжело от ее отъезда – не сказать словами. Еще тяжелее было встречаться с ней так, как встречался – на улицах, черт знает где, не смея зайти ни к ней, ни к себе. Все-го тяжелее то, что не знаю, как сделать, чтобы поехать к ней и жить с ней. Поехать – нетрудно. А дальше? Проклятая бедность! Никогда не страдал от отсутствия денег, теперь клянусь себя, что не заботился приобретать их. Я не могу жить без Софы. Но ведь никогда я не думал связывать себя женой. Единственная

* Окончание. Начало в кн. 69.

мыслимая для меня жена – Софа. Что за чудная и хитрая женщина! Я в любви дошел до полного обалдения. Но довольно. Нужно серьезно размышлять и добиться своего.

5 часов вечера. По улицам гуляет норд-ост. Скрипят окна на болтах. Тучи разлетелись. И высветилось небо, голубое, нежно краснеющее ввечеру. А у меня нет другого занятия, как ленивым пером вычерчивать черты любимой. Ленивое и сердце у меня. Не умею я писать, ни работать ни веселиться, ни плакать. Как тяжело убедиться, что и любить я не умею! А черт возьми! Я все умею. Я способен невероятно. Мне счастье

прет в руки, неужели упусти его! Нет, что бы я ни делал, каким бы я ни был, она не уйдет от меня, ибо любит меня. А должно сознаться – ничего я не делаю и малопривлекателен собой. А все же девочки любят меня. И я этак с ленцой, нехотя, беру их. Ветер шумит все, путается в деревьях. Табачный дым взлетает к потолку. Софочка не уехала. Я видел ее. Она нервничает, бедная. Я не помогаю ей. Мне никто не помогал. Она обещала сегодня прийти ко мне. Я знаю, она придет и будет мучить меня, ругать. Она будет издеваться надо мной и в каждом слове моем находить что-то до того мерзкое, что заслуживает только презрения. И она будет демонстративно презирать меня. Я думаю, что она это делает искренне. Я думаю, что она больна. Она влечет себя к мучениям с каким-то садическим [так!] упрямством. Я спокойно изучаю ее. Это очень интересно и увлекательно. Я сегодня снова получил литературскую посылку, Это дает мне возможность жить.

Лев Славин. 20-е годы XX века

11 часов ночи. Она пришла ко мне в 7 часов. Я сказал ей, что не люблю ее. Больше того: я показывал ей это всячески. Я мучил ее. Я проделывал над ней все то, что она надо мной проделывала прежде. Ей было больно, хоть она и старалась скрыть это. Она была растеряна и не знала, чему верить. Бедная девочка, мне жалко ее становилось, но я не изменял своей роли. Мы пошли к трамваю, где ей нужно было сесть. Я вдруг предложил ей пойти в кино. Она радостно согласилась. Там я путал ее снова. То я говорил ей, что нарочно мучу ее, что люблю ее, то с деланно скучающей миной откидывался на спинку стула, то целовал ее, то непристойно зевал, то нежно ласкал ее плечи, то демонстративно засматривался на других женщин, то прижимался своей щекой к ее, то холодно смотрел в потолок. Видит Бог, чего стоила мне эта игра. Когда мы вышли из кино, она запуталась окончательно. Я наотрез отказался видеть ее завтра. И наотрез отказался объяснить, почему. Подходя к трамваю, она вырвала свою руку из моей и резко попрощалась. Я пожал руку, протянутую для поцелуя, и пошел дальше. Она позвала меня из трамвая. Я хладнокровно подошел: «В чем дело?». Она возвращает портфель, взятый у меня. Я с небрежным удивлением спрашиваю: «Почему?» – «Так, по многим соображениям». Я поворачиваюсь и ухожу. Понимаю: она решила со мной больше не встречаться. Когда трамвай перегнал меня, обегая Соборную площадь, мне страшно захотелось перебежать эту огромную длинную площадь и вскочить в вагон и подойти к Софе и сказать, что люблю ее больше жизни, но я сдержал себя и по темным улицам вернулся домой. Знаю: ей очень больно сейчас. Но мне не меньше больно. Зачем она мучила меня?

22/IX.

Сегодня день был сложен из тысячи прелестных вещей. Я с вечера вчерашнего с грустью покорился необходимости весь день оставаться дома, ибо послал мои ботинки сапожнику. Но утром, этак в 9½ часов, не выдержал, извлек из хлама какие[-то] старые, ужасно рваные ботинки, напялил их и полетел трамваем к Краснощеку. Я не мог оставаться дома, тянуло увидеть необычайно, но где? Поехал наугад к Краснощеку, на углу Троицкой и Канатной прыгиваю с трамвая, захожу в буфет – счастье! – она сидит там, в коричневом костюме, в серой шляпке, грызет копченую скумб-

рию, закусывает сухариками. Она покраснела. Софочка покраснела! Она не предала меня. Свою роль вчера я сыграл блестяще. Потом, на Ланжероне, она мне признавалась, что не думала меня увидеть больше. На Ланжероне мы лежали на скале. И так хорошо, такая нежность, такое счастье. Я влюбляюсь все больше и больше, душа моя раскрывается. Мы расстались. Так трудно было расставаться. В четыре часа я встретил ее на станции трамвая на углу Садовой и Торговой улиц. Мы гуляли. Бродили по городу, счастливые взаимной близостью. А расставаться было так трудно. Подходили к ее воротам, отходили, приникали друг к другу. И как всегда, между поцелуями она говорила самые правдивые, самые сердечные вещи. – «Даже такая дура, как Клара Ваксман, заметила, что я в вас влюблена...». «Мне жутко было, когда думала вчера, что не увижу вас...» «Так, как вас, никого не любила...» И уверяла еще, что меня не разлюбит. Мы согласились, что нам вместе будет хорошо. Она не видит препятствий к тому, чтоб соединиться. Я же не знаю, не знаю, как это сделать. Завтра она будет целый день занята, и потому мы не увидимся. С утра она с какой-то знакомой, а вечером на именинах. Она сказала, что готова не пойти туда, если я не хочу. Но я не хочу ограничивать ее. И завтра мы не увидимся. Завтра суббота, а в понедельник она уезжает.

23/IX.

Целый день не видел Софочку. Целый невыносимо длинный день. И это невыносимо тяжело. А ведь она послезавтра уезжает. Хуже того: я не знаю, как смогу поехать к ней в Киев. Она говорит: «Со мной вам будет хорошо». Ну конечно, деточка, – уже потому что без вас мне будет плохо. Ах, история моей любви так странна. Когда она началась? Милая, неужели возможно мне разлюбить ее? Почему хочу жить с ней вместе? Потому что без нее плохо мне. Мне необходимо ее присутствие возле меня. Она сейчас на именинах где-то. Думает ли обо мне? Софа, Софочка моя.

25/IX.

Утро дождливое. Вчера ясным утром гуляли с Софой, сидели на Соб.[орной] пл. Она без конца извергала из себя любовные истории, в центре кот.[орых] стояла она. Я уже знаю, что нужно

сделать, чтоб извлечь из нее какой-нибудь рассказ о себе. Она похожа на автомат, который за 5-копеечную монету безошибочно и верно выбрасывал шоколад. А потом мы зашли в Гум и, спускаясь по лестнице, целовались в темной, прохладной и пустой прихожей. А вышли на улицу – кругом солнце, уличный шум, небо сияет и на губах сладость поцелуя. Да и она. Мы целуемся вдруг на улице, в кино. Что будет? После обеда виделись опять. Прошли по обыкновению через весь город, подле Краснощека, поджидая Софу, встретил Раш. Григ., кот.[орая] истерически взвизгнула на всю улицу: «Чем тебе, Лева, на улице ждать Софу, ты пошел бы лучше домой, это приличней». А черт бы тебя унес!

11 часов. Сегодня Софу в 10 ч. у Краснощека встретил. Добрался туда весь измокший. Дождь лил все время, пока я сидел там за мраморным столиком, тянул кефир, читал Раб. Тагора, не понимая ничего, курил и не надеялся Софу увидеть. Как вдруг из блестящей завесы дождя, темнея в узких дверях изумительной фигуркой, явилась она. Милая. Любимая. Милое лицо. С блестящей черной шляпки стекала вода, воротничок белый и нежный смуглый затылок в синих пятнах от линяющей шляпы. Мы были в Гуме дважды или трижды, осматривали биржу, синагогу, скитались, сидели на Бульваре, встретили Сеню и расстались, условившись в 6 часов встретиться на Садовой. И встретились. Она пришла усталой и измученной. С Раш. Григ. полный разрыв. Из-за меня, конечно. Софа ушла оттуда и поселилась у Доры Максимовны. Бедная девочка устала. Я решил ехать в Киев. Что будет, то будет. Я люблю ее и хочу с ней быть. Она хочет того же.

27/IX.

Вновь я вынул эту черную тетрадь, чтобы записать впечатления сегодняшнего дня. Нет никакого сомнения в том, что я люблю ее. Невозможно сомневаться в том, что она любит меня. Утром мы бегали по учреждениям по моим делам, нам приятно быть вместе. Вечером – в кино. Леня сегодня уехал ловить отца и привезти его в Одессу. В связи с этим мне необходимо рассчитывать поступки. Ах, если б Софа знала это! Она бы негодовала. Она хочет, чтобы я ее любил, ничего не рассчитывая. Николай Панкратов уехал. Софа нервничает.

27/IX.

Если я пишу для того, чтобы разобраться, – я своей цели не достигаю. Положение как было запутанное, так и остается. Если я пишу для того, чтобы описать и закрепить то хорошее, что происходит со мной, то я своей цели не достигаю. Чтобы описать предмет или предложение, нужно отстраняться от него в пространстве и во времени. Если иногда то, что я пишу, выходит художественным, – это помимо моей воли и независимо от нее, – разумеется, художественных замыслов у меня нет. Я пишу без цели; всякий дневник безумен. Пока я пишу, мне приятно: это близит меня к Софе. Часы разлуки ужасны, я их скрадываю.

Это я писал днем, когда был счастлив. Сейчас вечер, и я несчастлив. Я запишу все по порядку. Я видел Софу вчера вечером. Она была у меня. Мы были в концерте. Музыка длилась 15 минут. В публике было много знающих меня. Из концерта мы пошли в кино. Потом я ее провожал. Было около 12 часов. На Ришельевской ул. я резко попрощался и ушел. Это вышло грубо. Софа была поражена. Иные переживают любовь легко и весело. Я сам всегда так переживал. Теперь не так. Любовь к Софе я переживаю в муках, но люблю ее слишком сильно, чтобы всегда говорить ей об этом, чтобы всегда от нее слышать об этом, всегда сплетать руки и целовать. Я люблю ее слишком сильно и пронзительно, чтобы всегда видеть ее близко. Я хочу ее так сильно, что не могу знать других женщин, что не в силах делать ничего, – ни работать, ни служить, не стремлюсь уехать, не умею писать. Я ушел от нее так внезапно потому, что мне сделалось тяжело. Мне сделалось тяжело потому, что опротивела обстановка наших встреч, потому, что она смотрела на какого-то экземпляра в кэпи [так!], потому, что она говорила невозможные вещи, потому, что она намеренно оскорбила меня, потому, что я не хотел оскорбить ее, потому, что я несдержан, и все сразу ударило мне в голову и я ушел. Сегодня утром я пришел к ней. Я посидел немного в низенькой квартирке Доры Макс.[симовны]. Потом мы пошли к Софиной подруге в Канатный пер.[еулоч]. Я не мог совладать с собой и был угрюмым. Из Канатного пер.[еулочка] пошли к берегу. И там Софа гнала меня от себя и звала обратно. Я, растеряв волю, рассудительность, ослепленный от любви сидел в пыли у ее ног и говорил, не знаю что.

Мы пошли обратно в город. Она мне прочла длинную серьезную нотацию. Я люблю очень в эти минуты – она так рассудительно и твердо чеканит слова. Впрочем, я всегда люблю ее очень. Мы распростились нежно. Я когда-то мечтал о том, что Софа будет любить меня, как о недостижимом счастье. А теперь я недоволен. Вечером я приехал к ней. Мы пошли в город. Сидели в Пале-Рояль. Мне было тошно. Что делать – приелись мне эти сентиментальные прогулки. Однако я, памятуя предыдущие сцены, скрывал дурное настроение. Даже целовал ее – все же она почуяла. И снова пренебрежительный тон. Она сказала: «Вы хуже, чем я думала». Я не подал вида, как больно отозвалось это во мне.

Я пошел домой. Мне плохо. Но это глупости. Не пойти к ней завтра – слабость. Пойти – еще будет тяжелей. Пойти – не пойти, как это глупо. Милая, милая, отчего бы меня не любить!

29/IX.

Вчера мне Софа сказала: «Как естественное завершение наших отношений я предвижу совместную жизнь и хочу этого». Это было бы естественным завершением неестественных отношений. Господи, Боже мой! Ну, если я так устроен, что все мне дается, даже любимая женщина – даже Софочка! Это грустный факт. Или, может быть, не Софочка мне надоела, а однообразие отношений? Посмотрим, что будет, все-таки это любопытно. Люблю ли я ее еще? Ее? Софочку Лившиц! Да.

2 часа дня. Я был у Софы. Она больна, горлом. Она не выходит. Я просидел у нее не более 10 мин. Она мне сказала придти после обеда, когда Георг. Макс. уйдет в гости. Я обещал. Но не пойду. Я, действительно, веду себя глупо. Но не могу иначе. Я, должно быть, ненормален. Если б она меня любила, не делала бы того, что делает. Она сидела на диване, поджавши ноги, и была, конечно, хороша. Кого бы я ни любил, все то – суррогат. Я могу увлечься другими и уходить от Софы, но люблю единственно ее. Поистине – влюбленный – это маньяк. Моя мания: Софочка Лившиц. Я уже пытался однажды – летом – уйти от нее и не смог. Теперь я пытаюсь вторично. Я думаю, что найду в себе силы для этого. Вечером еду в клуб «им. Ленина», значит, у нее не буду. Она больна. Пускай. Я теперь в таком состоянии, что способен на все. Легко может случить-

ся, что пропаду, опущусь, пойду на дно. А ведь я не так ничтожен. И умен, и одарен, а есть трещинка. В эту трещинку Софа запустила два своих тоненьких беленьких пальца, и я пошел ломаться и рассыпаться. А она рассмеется и пойдет дальше. Она следит и наблюдает меня непрерывно. Но другим, чем я есть, я не могу быть. Если она меня любит, ей будет тяжело, потому что к ней я не вернусь.

30/IX.

Вчера сдержал себя и не пошел к Софе. Она же сидела больная одна в пустой квартире и ждала меня. Бедная. А вдруг она разболелась? Все же не пойду к ней. Вчера вечером в рабочем кружке поэтов был с Багрицким. Нашел там юного талантливое беллетриста, Ан.[атолия] Резникова. Говорил в этом кружке, слушал, диспутировал, ругал одно, одобрял другое, а перед глазами все время Софа.

10 часов вечера. Это смешно, это глупо, это трогательно, это странно. Я утром вертелся по своим делам из учреждения в учреждение. В 1 час дня подходил к своему дому. Шел, задумавшись, опустив голову, думал о Софе. Подходя к воротам, поднял голову – и увидел Софу! Она сидела на ступеньках, почти лежала и смеялась, смотря на меня снизу. Я был потрясен. «Я была у вас, – говорит, – оставила записку». Это ли не значит, что она меня любит! А я, дурак, шел рядом с ней и говорил глупости, я слеп, это оскорбительно для нее. На углу Греческой и Екатерининской мы рассорились. Меня задел ее холодный и пренебрежительный тон. Я не понял ее состояния. Я бросился домой. Но, пройдя полквартиры, пробежал обратно. Хотел ее догнать и умолить сказать, что люблю. Прошел весь длинный путь до Земской и не нашел ее. Вошел в квартиру. «Подождите, – предложила мне Дора Макс.[имовна], – она вчера вас ждала, сегодня утром, уходя, сказала, что если вы придете, чтоб подождали». Я ушел и все-таки сел на углу, поджидая ее. Наконец она подошла. Удивлена, улыбка ее чудесная. Два раза мы расходились, все пилила меня, все говорила, что не любит, а когда я ушел от нее окончательно, позвала: «Левочка, это страшно глупо». Сказала – прийти в 3 часа. Разумеется, был у нее, и мы пошли в парк. Вчера тосковала страшно, когда я ушел, эти 4 часа без меня, видно, дорого ей обошлись.

А сегодня – прелесть моя – когда, расставшись, кинулся за ней, потому ее не догнал, что она пошла догонять меня и дошла до моего дома. Дожидалась меня после обеда, выходила несколько раз на улицу, высматривала меня. Но довольно этих дурных отношений, я ей душу свою отдам. Мы в парке сидели. Я обезумел от любви и поцелуев. Она меня любит. Еще больше, чем раньше. И хочет меня так же, как я ее. Карпов и ее отец приезжают сюда на днях.

1/Х.

З часа дня. Видел Софочку и гулял с ней немножко. Ясно, что она ничем не может помочь. Ясно: я влюблен, как никогда раньше. Ясно: мы должны жить вместе. Как могу я это сделать? Как?

2/Х.

Вчера с Софочкой был в кино. Софочка, я люблю тебя! Дружочек! Ну, теперь я ее не упущу. Черт возьми! Будь какой-нибудь миллиард, я бы сейчас соединился с ней. Его нет, и надо его достать. Как странно, я еще до сих пор не верю, что это Софочка Лившиц, которую я обнимаю, которая меня целует и шепчет: «люблю».

3/Х.

Вчера с утра до вечера с Софой. Я пришел к ней, и мы пошли на Ланжерон. Мы там лежали – в красной траве, дальше внизу море, на нем стена тумана, из-за стены молочной выскакивают тяжелые валы, потом шел дождь, мы все лежали, туман ушел и встала радуга, светило солнце и снова шел блестящий дождь. Она спала у меня на груди. Хорошо. Правда, я поглупел от любви, но нынче ко мне снова возвращается сознание. Сегодня приезжает ее отец и они, должно быть, завтра, уезжают в Киев. Я, не умеющий устраивать практических дел, не знаю, что делать. Невыносимо грустно. Тяжело. Вчера новая черта Софочкина открылась мне: она ревнива.

3/Х.

Вчера в 6 часов пришел к Софе. Сидел в маленькой столовой Доры Макс.[имовны]. Софа странными тревожными полунамеками говорила о каких[-то] разговорах с ее отцом, кот.[орый] вчера приехал, о том, что в Киев есть столько же смысла ехать,

сколько в Пекин, о новых слухах и скандалах, в которых моя личность играла заметную роль, и еще что-то недосказанное, непонятное. Четверть часа спустя я простился и отбыл в клуб им. Ленина. Там в литер.[атурном] кружке «Потоки» читал «Последний сон». Это было, как удар грома. Вся банда была поражена и встревожена. Конечно, превозносили высокую художественность рассказа и осудили его с коммунистической точки зрения. Особенно изощрялся редактор «Известий» Золотарев. «Законченный художник», – шептал он в восхищении и тут же напускался на крайний «индивидуализм рассказа». Впрочем, все они бездарности, единственный талантливый мальчик среди них – Резников. И мне приятно было видеть его настоящий восторг перед моим рассказом.

4/Х.

Утром получил назначение в железнодорож.[ую] библиотеку. Видел Софу. Она в теплом пальто <неразб.> имела вид дамы. Она уехала домой в трамвае. Она холодна была, но смотрела жалобными измученными глазами на меня. После обеда пошел к ней. Там были Борис Григ. и еще какие-то. Б. Г. смотрит на нее как «кит на сало» – даром что дядька. Мы были у меня. Потом в кино. Все по программе. Она уезжает в субботу. Это плохо. Как не видеть ее – когда в ней жизнь! Где выход? Это жестоко: любить и расставаться.

6/Х.

Вчера дважды видел Софу. Утром она пришла на Биржу Труда. Оттуда мы отправились на Бульвар, и там она мне инсценировала «Принц.[ессу] Турандот», «Чудо св.[ятого] Антония», «Свадьбу» в постановке МХАТ. Очень мило. В 5 час.[ов] я был у Багрицкого. Туда пришел Резников. Он опять восхищался «Последним сном». Но гораздо приятней меня поразило, что аудитория мной очарована. Ибо ничего нет более ценного, чем сочувствие публики. На прощание этот Резников меня поразил. Он мне сказал: «Знаете, я как беллетрист, чувствую, что вы влюблены – в каждом движении, в каждом слове». Удивительно. Я пошел домой и стал ждать Софочку. Она скоро пришла. У нее утомленный и потрепанный вид. Она распустилась как-то. Надо сказать ей об этом. Но дорога

мне бесконечно. Мы были в Концерте. Я проводил домой и в 12 ч. ночи вернулся. В воскресенье она уезжает. Это будет тяжелый день для меня.

9 часов вечера. Есть люди, которые предсказывают будущее. Это потому, что есть другие, которые верят предсказаниям. Но мы неспособны знать, что с нами будет через минуту. И если бы мне сегодня утром кто рассказал, как пройдет мой день, я бы засмеялся невероятному. Я плакал, как дитя, не раз, и мне тяжело сейчас, как никогда в жизни не было. Я не говорю, что между мной и Софой все кончено, ибо не хочу этого, но боюсь, что это так. Утром я пришел к Софе. Ни за что не пришел бы, если б знал, что Бор. Григ. там, а Софа мне сказала, что накануне он уехал. Я не могу видеть их отношений. На него мне наплевать, но ее откровенный флирт мне ненавистен. Где же ее хваленая чуткость! О себе уже не говорю, ибо со мной она совсем не считается, а только требует от меня. Но тут же рядом сидит несчастная Дора Макс.[имовна], с которой муж буквально слова не говорит. Потом мы пошли. Я нашел в себе мужество побороть дурное настроение и не упрекать. А она счастливая, милая, единственная, шла рядом и смеялась. Она чистила ботинки, заходила туда, заходила сюда, в учреждения, в магазины, и я все с ней. Не помню, кто начал этот разговор. «Люблю», – сказал я, отвечая на вопрос. «Как ее зовут?» – «Муся» – «Блондинка, брюнетка?» – «Блондинка». – «Худая или толстая?» – «Худая». И далее в этом роде легкий разговор о моей несуществующей любви. Я позабыл об этом думать, не придавал никакого значения, к тому же мало значившая, одна из тысячи тем в разговоре, которые мелькнут и исчезнут. Всё гуляя, мы заговорили о фотографиях. Я попросил у нее ее снимок. Она резко отказала, в нарочито грубом вызывающем тоне, сославшись на какой-то пустой предлог – оттого, что я ей когда-то отказался показать фотографии женщин, кот.[орых] я любил (кстати сказать, этих фотографий у меня никогда не бывало). Я бросил просить ее, и мы говорили о другом, идучи на Бульвар, а в ней (как теперь понимаю) все натягивались нервы и закипало что-то нехорошее и явно болезненное. Мы сидели на Бульваре и перед нами расстилались огромный сонный порт и синее тихое море. Сейчас далеко где-то зычно

и тоскливо завыл паровоз. Дождь пошел, его капли стучат, падая с крыши. Луны не видно, но облака изнутри озарены ровным тусклым светом. Странно светится небо мутной голубизной. Ночь сырая и гулкая. Я одинок. Я курю и пишу эти строки. В третьей комнате папа рубит дрова. А Софа, должно быть, сидит в квартире на Земской, потолки там низкие, Нюра смотрит, не мигая большими глазами, Жорка буянит, Бор. Г. развалился на диване и словами хитрыми цепкими взглядами подлазит к Софе, она через силу веселится, флиртует, возбуждая похотливого дядьку, но вдруг задумывается и твердо решает в 10-й раз: «Слевой – кончено», а несчастная тетка глядит на них молодым измученным лицом. Это разразилось сразу, как гнев Божий – то, что было на Бульваре. Я снова просил фотографию. Она повернула разговор на Мусю. «Для чего вы ее видите?» – «Для чего я кушаю?» – так приблизительно ответил я. После этого кратко и энергично она сказала, что между нами все кончено. Я посмотрел ей в глаза: сумасшедшие, глаза фанатички. Боже мой! Софочка, я же люблю тебя! Конечно, таких вещей как я сказал, не нужно говорить. Но, Господи, – любить, любовь вопреки всему! Было объяснение тягостное. Я ловил слова и бросал их, я в отчаянии говорил одно и другое, я плакал, сидя на камне, а Софочка уплывала, ускользала от меня. Я встал и ушел. Но я вернулся. Ведь она мне дороже всех, где найти слова, чтоб рассказать мое чувство, единственный мне родной человек, ведь я одинок, в сущности, со всеми своими близкими, со всем множеством друзей и знакомых. Мы пошли. Я снова ушел по Сабан. мосту, а она пошла прямо по улице. Но я снова вернулся, и она вернулась. Я не знал еще такой муки, а ведь мука останется со мной навсегда. Чего она хочет от меня? Отчего она обо мне совсем не думает, а только о себе? Она сильный человек и эгоцентричный, и я тоже из этой породы. Я люблю ее и это мне важнее всего. Я совершенно здоров, но сейчас такое ощущение, будто разбит тяжелой болезнью. У меня всегда и всюду выпирает мое «я». И никогда ни для чего я им не поступаю. У меня, может быть, нет принципов, но есть индивидуальность, сумма желаний, пороков, достоинств, обычаев, свойств, манеры мыслить и поступать. Я не умею переделывать себя и не люблю этого. Какого черта!

А ради Софы я должен обезличиться, утратить свой запах, раствориться в ней, я люблю ее, я это сделаю, а вдруг она скажет: «Я вас не люблю, не могу вас видеть», и это будет правдой, тогда – убедившись в этом, – я покончу с собой: не для чего жить. Она ушла в магазин. Я издали шел за ней. Милая, хоть глазами с тобой! Она купила цветы где-то на углу, я подошел к ней. Я молил ее по-детски, просто, не гнать меня, не уходить от меня. Она все свое. «Люблю, но...» Она бросила меня где-то на углу. Я пошел один. Я плакал. И она пришла ко мне. Почему? И сказала, что любит. Какая гадость – все это! Я пошел с ней к дому. Тогда уже твердо решил умереть. И выспросил ее – да, все то же. Меня душило. Сердце колотилось, как сумасшедшее – мое идеальное здоровое сердце, и я плакал как истерик – я, с моими идеально крепкими нервами. А потом сплошной психоз. В Гуме на лестнице я ее целовать захотел. Тяжело – не могу писать.

7/X.

Она уклонилась от поцелуя. «Я вижу, что не люблю вас, – сказала, я не могу вас целовать». Идучи оттуда на Б.[ольшую]-Арнаутскую, я твердо решил покончить с собой. Потом на лестнице вдруг – нет, я ничего не могу ни передать, ни рассказать. Она сказала, чтобы я уходил. Я прислонился к стенке и плакал. А эта ужасная женщина стояла двумя ступеньками выше меня, смотрела сверху вниз и говорила, что любит. А когда я поверил, сказала, что избавилась от всего этого и что не любит. И смотрела на меня так легко и спокойно. И просила только не делать глупостей. Я, овладев наконец собой, улыбаясь, обещал. «Левочка, – крикнула она, – я вас люблю». И бросилась мне на грудь и стала целовать как безумная. А через минуту – снова не любит. И я смотрел на эту женщину с подлинным интересом. Поистине – сумасшедшая. Но может быть, я сумасшедший? «Идемте», – сказал я и увлек ее на улицу. «Почему человек, который во всех отношениях хуже вас, умел меня успокоить, а вы нет, – значит, он действительно любил меня, а вы нет!» – крикнула она и ушла. Я ушел домой с горьким ощущением того, что она права.

3 часа дня. Софин отъезд назначен на завтра. Но я считаю ее уже уехавшей. Ибо не увижу ее все равно. Потом – в Киеве –

Софья Лившиц (Славина). 1929 г.

не знаю. В Одессе уже не увижу. Однако, идучи сегодня утром по городу, все озирался и выглядывал ее. И сегодня опять сильнейшее сердцебиение, чего никогда не бывало. Жалею о происшедшем? Нет. Не могу идти против самого себя. Немного ей еще быть в Одессе: кусочек сегодняшнего дня, одну ночь и завтра до поезда – сутки. Конечно, легко увидеть ее – пойти к ней. Но я не могу. Бор. Григ. Я могу что-нибудь дурное сказать или сделать. Софа, что же ты делаешь с собой и со мной!

11 часов ночи. В 4 часа я уже решил пойти к Софе, не считаясь ни с чем. Просто посмотреть на нее. В 4 часа я лежал в кровати. Я лег с книгой, хотел почитать, но отложил книгу и все время думал о ней, о том, что было, беспросветно впереди, решил все-таки пойти к ней. Муся врывается в комнату и говорит: «К тебе пришла Софа Лившиц». Я вскочил, побежал в соседнюю комнату, уже слышен ее голос, папа мне дает телеграмму, полученную от дяди, я ее внимательно читаю и ничего не понимаю. Вот Софа. Она говорит что-то, я ничего не понимаю. Когда мы вышли на улицу, я взял ее руку и приложил к своему сердцу, оно колотилось, как пулемет. Счастье! – она вернулась. Нет – она любит меня. А все другое – мелочи, неважны! Вечер мы закончили в кино, нашем милом, грязном, босячком «Эдиссоне». Сегодня она уезжает. Тяжело. Я как будто заново полюбил ее. Легко, спокойно. Как быть дальше? Она все еще не хочет понять, что у меня нет никаких денег.

9/Х.

Софы нет. Вчера она уехала. Конечно – никогда еще так глубоко не переживал, никогда так интенсивно не чувствовал. Более того: не подозревал даже возможности для себя такого буйного взрыва чувств, такого широкого размаха страсти. Ведь меня понесло, и я только озираюсь и дивлюсь. А видел я немало, знаю и любовь, и смерть, и людей. Но точно вчера родился на свет. И еще знаю: люблю ее и хочу жить с ней несмотря ни на что – будь она проституткой – взял бы ее из публичного дома и жил бы с ней. Что было – страшно вспомнить и невозможно описать. Тот день, когда она бросила меня – никогда я не был близок от смерти – ни даже тогда, когда на фронте

меня обсыпали гранаты. А на следующий день она пришла. Мы говорили «ты» друг другу впервые тогда – это было позавчера. Вчера в 1 часу дня встретились на станции трамвая. Мы гуляли, конечно. Час ее отъезда незаметно близился. Улица проклятая (некуда пойти) раздражала нас, снова чувствовал ее чужой. А тут еще она рассказывает о себе в тоне, который я так не люблю в ней, да и она во мне, вещи явно невозможные – но не могу я слышать такого. Потом прощались – и все опять на «вы» – «ты» не выходило. Попрошался с ней – часто ловили себя на том, что одновременно думаем одно. Потом я пошел домой, медленно, спотыкаясь, обдумывая. И вдруг – не смог – на Соборной площади все сразу нахлынуло на меня. Идти домой не могу – и поздно, она сейчас уезжает – возвратиться к ней домой, но там Бор. Григ., кот.[орого] видеть не могу, – написать – но чувствую, что не могу больше ни минуты жить с этим ужасным сомнением. Боже! Бегу к трамваю, но нет денег! Идти пешком – не успею до ее поезда. Но я должен знать: да или нет, зачем она мне сказала это вчера, я высчитаю, вспоминаю, месяцы она меня не любит, это все нарочно, и все что вспоминаю, подтверждает, хитрая женщина, чудовище, оттого она так гонит с браком, оттого так настаивает на обряде венчания, все к одному, все тяжелей, я уже ничего не вижу, туман, мне надо что-нибудь сделать, иначе умру. Тоска так сдавила сердце, что задыхаюсь, стою недвижимо в аллее Соборн.[ой] площади, вдруг вижу Мих. Вл. проходит вдали с братом, бегу к нему, беру деньги, он смотрит испуганно на меня, быстро дает деньги, что-то шепчет брату, я вскакиваю в трамвай, лечу в пространство с одной мыслью, я должен узнать, я узнаю, о Боже, Софа!

Я вхожу к ней. Я увидел ее, и уже стало легко от одного того, что увидел. Если б она осталась со мной, не надо было бы спрашивать – с ней ничего не надо – быть с ней величайшая радость, все остальное – мелочи. Но она сейчас уедет, остаться с сомнением не могу. Она кричит, оборачиваясь от стола: «Левочка, пишу вам письмо». Я читаю – просит устроить подругу на службу, слова любви – черт с ней! Любишь или нет, врешь или нет – но я тебя люблю и вижу тебя – в этом сегодня мое счастье. Подруга сидит тут же. Я все обещаю. А сам пишу на клочке бумаги: «Дай мне возможность

Софья и Лев Славины в Одессе в 60-е годы XX века

поговорить с тобой 5 минут». Мы поговорили. Сомнения рассеялись. Снова легко. Но честно признаюсь самому себе: полной твердой уверенности в том, что она говорит правду, у меня нет. Как это возможно! И мысль о том, что еще в июне этого лета она сблизилась с П. – после того, как видела меня, – мысль эта наполняет меня бешенством. Это значит, что она любя может сходитьсь с человеком по какой-то непостижимой слабости. Мне тяжело.

18/X.

Вчера от Софы письмо. Любовь, тоска, неодолимое желание видеть меня. Зовет.

22/X.

Снова от нее два письма. Все то же. Когда уже случится перемена?

25/X.

Живу вроде того, как некогда описывал <неразб.> – читаю, хожу в кинематограф и занимаюсь гимнастикой. Понюхал только что письмо Софино – его нежный сладкий [запах] напомнил мне Софочку. Все же теперь лучше мне, чем весной, когда она уехала. Теперь знаю, что она любит меня. Твердо знаю, уверен в этом. Она пишет мне – и я узнаю те же признаки любви, что и у меня к ней. Теперь у нее с Леонидом тяжелые отношения. Очевидно, она не может сделать так, чтоб не порвать с ним.

27/X.

От Софы все еще нет писем. Очевидно, она ждет ответа на свое письмо от 17/X. Ответ ей послал на двадцати страницах. Если письмо не потрясет ее, не вывернет у нее душу, не подвигнет ее сразу на какое-нибудь решительное действие – значит, я ничего не стою. Я же выжидаю – не письма ее, а благоприятного стечения обстоятельств, чтобы поехать к ней. Для меня теперь ясно: люблю ее уверенно и сильно, она для меня цель и смысл жизни. Кратковременная задержка не играет роли. Все мои силы направлены на то, чтобы устроить так, чтобы увидеть ее. Самое важное для меня, что люблю ее.

30/X.

Головные боли все чаще в последнее время. 9 дней нет письма от Софы. Полагаю, она ждет ответа на свое последнее письмо. Я отправил ответ 23. В худшем случае я кладу 8 дней на то, чтоб получить ответ. Может быть – 10 дней. Стало быть, письмо должно быть завтра или послезавтра. Но как тяжело ждать. А вдруг это не простая задержка, а ответ? Возможно ли, чтоб это было прекращение отношений? Софонька махнула рукой на меня, на все, что было. Не знаю. Не могу никак изобрести средство достать деньги. Ни о чем другом не хочется записывать.

5/XI.

Позавчера – пространные письма от Софы. Успокоен. В своей высокомерной манере сожаление о своем истерическом письме о Леониде. Полная невозможность полного в <неразб.> устройства. И т. д.

12/XI.

Что мне делать! В Киев тянет все сильнее, тут Софа бомбардирует письмами «Приезжай...». Какой-то студент был у нее, не застал, и она думала, что это я. Воображаю, как это было. Она в один <неразб.>, возвращаясь, подошла к дому. Должно быть, ее провожал какой-нибудь студент длинный с молотками на фуражке, влюбленный очень или немного влюбленный. Прощанье перед дверьми, смех, поцелуй в руку. Швейцар [текст обрывается]

Публикация Алены Яворской

